

Elie Wiesel

La nuit

L'aube

Le jour

Содержание

НОЧЬ

7

РАССВЕТ

177

ДЕНЬ

287

Ночь

*Памяти моих родителей
и моей младшей сестры Ципоры*

Предисловие автора к новому изданию

Будь мне суждено написать за всю жизнь одну-единственную книгу, я написал бы эту. Как прошлое живет в настоящем, так и все мои книги, созданные после “Ночи”, проникнуты ее глубинным смыслом, несут на себе ее отпечаток, в том числе книги на библейские, талмудические и хасидские темы: их не понять, не прочитав эти страницы.

Зачем я написал “Ночь”?

Чтобы не сойти с ума — или, наоборот, сойти и лучше понять безумие, великое, грозное, ворвавшееся когда-то в историю и сознание человечества и мечущееся между могуществом зла и безмерностью страдания жертв?

Хотел ли я оставить людям в наследство слова и воспоминания, которые помогут справиться с Историей, с ее неумолимой тягой к насилию?

Или я просто считал необходимым, чтобы мир узнал об испытании, пережитом в том возрасте, когда подросток познает смерть и зло только по книгам?

Некоторые читатели говорят мне, что я выжил ради того, чтобы написать этот текст. Не уверен. Я не понимаю, как выжил, ведь был слишком слаб и робок и от меня ничего не зависело. Неужели тогда, много лет на-

зад, произошло чудо? Вряд ли. Если Небо смогло или захотело совершить чудо в мою пользу, оно могло и должно было сделать то же для других, куда более достойных, чем я. Похоже, благодарить мне следует слепой случай, но я выжил, а значит, должен объяснить свое спасение. Наверное, я взялся за перо именно с этой целью, пытаюсь отыскать смысл в опыте, лишенном всякого смысла.

Я оглядываюсь назад и осознаю, что не знаю — больше не знаю, — зачем складывал слова во фразы, но без этой небольшой книги моя жизнь писателя и человека никогда не стала бы тем, чем стала: жизнью свидетеля, считающего своим моральным долгом не дать врагу одержать последнюю, посмертную победу: стереть из памяти людей следы совершенных преступлений.

Сегодня благодаря подлинным документам из разных источников нам совершенно ясно, что если в самом начале эсэсовцы пытались создать общество без евреев, то в конце намеревались оставить позади себя мир, лежащий в развалинах, где евреев как будто никогда и не было. Вот почему в России, на Украине, в Литве и Белоруссии — повсюду, где айнзатцгруппы*, осуществляя “окончательное решение”, расстреляли из пулеметов более миллиона евреев, мужчин, женщин и детей, и сбросили их в огром-

* Айнзатцгруппы полиции безопасности и СД — оперативные карательные отряды специального назначения СД, так называемые эскадроны смерти. Они осуществляли массовые казни гражданского населения на оккупированных территориях; играли ведущую роль в “окончательном решении еврейского вопроса”. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Предисловие автора к новому изданию

ные общие могилы, вырытые самими жертвами, — зондеркоманды откапывали трупы и сжигали их под открытым небом. Впервые в истории дважды убитых евреев лишили даже права быть похороненными в земле.

Иными словами, Гитлер и его приспешники вели войну не только с еврейским народом, но и с его религией, культурой и традицией, то есть с памятью.

Наступил момент, когда мне стало совершенно ясно, что однажды суд Истории все-таки состоится и нужно будет свидетельствовать в пользу жертв, но я не знал, как взяться за дело. Сказать хотелось очень много, но слов не было. Скудость выразительных средств превращалась в препятствие. Необходимо было придумать другой язык. Как реабилитировать и очеловечить преданную, испорченную, извращенную врагом речь? Голод, жажда, страх, транспорт, селекция, огонь и печь: у всех этих слов есть совершенно определенный смысл, но в то время они имели иное значение. Я писал на родном, тоже раненом, языке, останавливался на каждой фразе, говорил себе: “Не то, не то”. И начинал с начала. Использовал другие глаголы, образы, беззвучные рыдания. Ничего не получалось. Все было “не то”. Но что такое это самое “то”? Оно ускользает, прячется, чтобы никто его не украл, не присвоил, не испоганил. Слова из словаря кажутся слабыми, жалкими, бледными. Которые из них годятся для описания путешествия в опечатанных вагонах, последнего пути в неизвестность? Как рассказать о столкнове-

нии с безумным ледяным миром, где бесчеловечность была обычным делом, где дисциплинированные, воспитанные люди в военной форме убивали других людей, а насмерть перепуганные дети и изможденные старики появлялись там, чтобы встретить смерть? Возможно ли создать картину расставания в огненном мраке, когда рвутся связи, распадаются семьи, гибнет целая людская общность? Кто рискнет поведать о маленькой еврейской девочке с золотыми волосами и печальной улыбкой, очень умной и красивой, которую сожгли вместе с матерью в ночь прибытия в концентрационный лагерь? Рука дрожит, сердце грозит разорваться.

В глубине души свидетель был уверен тогда и не сомневается теперь, что мир не воспримет его показания. Только узники Освенцима знают, что там было. Остальные никогда этого не поймут.

Но, может, хоть попытаются?

Их человеческий долг, благородный и безусловный, — защищать слабых, исцелять больных, любить детей, уважать и внушать уважение к старикам, так сумеют ли они понять, как сильные этого проклятого мира мучили слабых, убивали больных, истребляли детей и стариков?

Неужели свидетель так неумело изъясняется? Нет, дело в другом. Вы не поймете не потому, что ему не хватает слов; его язык так беден, потому что он уверен: вы не постигнете.

Но в глубине души он знал, что в подобной ситуации не имеет права молчать, хотя возвысить свой голос трудно — если вообще возможно.

Предисловие автора к новому изданию

Следовало продолжать. Использовать безмолвную речь, ибо она выше слов, и не забывать, что горсть пепла из Биркенау* перевешивает все рассказы об этом страшном месте. Несмотря на все мои попытки выразить невыразимое, получается по-прежнему “не то”.

Не потому ли книга “А мир молчал”, написанная на идише и переведенная сначала на французский, а потом на английский, была отвергнута всеми крупными издателями, парижскими и американскими? Не помогли даже неустанные усилия великого Франсуа Мориака. Потребовались долгие месяцы и много личных встреч, прежде чем он сумел пристроить рукопись.

Оригинальная версия на идише осталась слишком длинной — не помогли многочисленные исправления и вымарывания. Жером Лендон, глава легендарного издательства “Les Éditions de Minuit”** переработал сокращенную французскую версию, и я ее принял, потому что боялся любых излишеств. Важна была только суть.

* Немецкий нацистский концентрационный лагерь и лагерь смерти (1940–1945) Аушвиц-Биркенау, известный также под названием Освенцим, был создан по приказу рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера от 27 апреля 1940 года на территории оккупированной Польши.

** “Les Éditions de Minuit” (“Полночные издания”) — подпольное издательство, основанное в Париже в 1942 г. французским писателем и художником-иллюстратором Веркором (псевдоним Жана Марселя Брюллера, 1902–1991) для публикации книг, запрещенных нацистами. Во время войны в издательстве печатались сам Веркор, Франсуа Мориак, Поль Элюар, Луи Арагон, Андре Жид и другие.

Рассказать слишком много куда хуже, чем что-то упустить. Вывернуть память наизнанку, опустошить ее ничуть не лучше, чем дать ей переполниться.

Пример: на идише рассказ начинается следующими размышлениями, лишенными всяческих иллюзий:

“Вначале была вера, детская; и доверие, тщетное; и иллюзия, опасная. Мы верили в Бога, доверяли человеку и питали иллюзию, что в сердце каждого заключена божественная искра Шхины^{*}, что, пока искра святости горит в душе человека, он несет в себе образ Создателя.

В этом и заключался источник — если не причина — всех наших несчастий”.

Дальше я привожу другие места на идише. О смерти моего отца, об освобождении. Может, включить их в новый перевод? Нет, они слишком личные, даже интимные, и должны остаться между строк. И все же...

Я вспоминаю ту ночь, одну из самых горестных и тяжких в моей жизни:

— Лейзер (на идише — Элизер), сын мой, подойди... Я хочу сказать... Только тебе... Подойди, не оставляй меня одного... Лейзер...

Я услышал, понял смысл его слов, почувствовал трагизм момента, но не сдвинулся с места.

* Шхина — Божественное присутствие, талмудический термин, определяющий видимое и слышимое присутствие Бога на земле.

Предисловие автора к новому изданию

Отец уходил, душа готовилась покинуть истерзанное тело^{*}, и он хотел, чтобы я был рядом.

Я не исполнил последнее желание умирающего.

Мне было страшно.

Я боялся побоев.

И остался глух к его слезам.

Не пожертвовал моей жалкой, никчемной жизнью, не кинулся к отцу, не взял его за руку, чтобы успокоить и дать понять: “Ты не один, я рядом, я чувствую твою печаль!” — а остался лежать на нарах и молил Бога, чтобы он замолчал, иначе капо^{**} изобьют меня.

Отец был в забытии и все произносил и произносил мое имя плаксиво-скрипучим голосом.

Что было дальше? Эсэсовец разъярился и несколько раз ударил отца дубинкой по голове: “Закрой рот, старик! Заткнись, кому сказано!”

Я физически ощущал боль отца, но не шелохнулся, не попробовал вмешаться, защитить самого близкого человека. Хуже того — разозлился, ведь он шумел, плакал и сам навлек на себя наказание...

* Зимой 1944/1945 г. Эли и Шломо Визели прошли маршем смерти из Освенцима в Бухенвальд, где всего за неделю до освобождения лагеря в апреле 1945 г. Шломо умер от истощения и болезней, а также побоев, нанесенных надзирателями и другими заключенными, которые пытались отобрать у него еду.

** Капо — привилегированные заключенные в концлагерях Третьего рейха, работавшие на администрацию, могли выполнять функции старосты барака, надзирателя. Капо осуществляли непосредственный, низовой, контроль над повседневной жизнью простых заключенных.

Эли Визель

—Лейзер! Лейзер! Подойди, не оставляй меня одного...

Голос звучал так далеко, так близко.

Я не сдвинулся с места.

Никогда себе не прошу.

Никогда не прошу миру, что превратил меня в другого человека, разбудил в душе дьявола, вытащил наружу самые подлые, низменные, дикие инстинкты.
<...>

Мое имя стало последним словом отца. Он послал мне зов, а я не откликнулся.

Версия на идише заканчивается не разбитым зеркалом, а вполне пессимистичным рассуждением на тему о современности:

...И сегодня, десять лет спустя после Бухенвальда, я понимаю, что мир забывает. Германия теперь независимое государство. Немецкая армия возродилась. Садистка Ильза Кох* — счастливая мать четверых детей. Военные преступники разгуливают по улицам Гамбурга и Мюнхена. Прошлое стерлось, предано забвению.

* Кох Ильза (1906–1967) — член НСДАП, жена Карла Коха, коменданта концлагерей Бухенвальд и Майданек. Известна как Фрау Абажур. Получила прозвище Бухенвальдская ведьма за жестокие пытки заключенных. Была приговорена к пожизненному заключению в 1951 г. 1 сентября 1967 г. Кох покончила жизнь самоубийством, повесившись в камере баварской тюрьмы Айхах.

Предисловие автора к новому изданию

Немцы и антисемиты заявляют миру, что вся эта история о шести миллионах убитых евреев — не более чем легенда, а мир в своей простоте согласится с ними если не сегодня, то завтра или послезавтра...

...Я не настолько наивен, чтобы поверить, будто эта книга способна изменить ход Истории и потрясти совесть человечества.

Книга сегодня имеет власти не больше, чем раньше.

Те, кто молчали вчера, не возвысят свой голос завтра.

Читатель вправе задать еще один вопрос: зачем понадобилось через сорок пять лет выпускать новое издание? Если первая версия была неточной и неудачной, почему вы только теперь решили заменить ее лучшей, более близкой к оригиналу?

Мое мнение об английском переводе справедливо и в отношении французского. Напомню, что в те времена я был неизвестным начинающим писателем и мой английский, равно как и французский, оставлял желать много лучшего. Когда литературный агент “Les Éditions de Minuit” Жорж Боршар сообщил, что лондонский издатель нашел переводчицу, я поблагодарил, прочел, текст показался мне вполне удовлетворительным, и я больше к нему не возвращался. Моя жена Марион — очень талантливая переводчица, она лучше всех *слышит* мой писательский голос и умеет передать его на чужом языке. Мне повезло: Марион согласилась сделать новый перевод для издательства “Farrar, Strauss and Giroux”. Я уве-

рен, читатели будут ей за это признательны. Благодаря работе с Марион мне удалось исправить огрехи — неточные выражения, ошибочные впечатления. Приведу пример. Описывая первую ночь в запломбированном вагоне, я упоминаю, что некоторые молодые люди под покровом темноты предавались любви. Это ошибка перевода. В оригинале сказано, что “юноши и девушки поддались эротическому инстинкту...” Я все тщательно проверил, проконсультировался с множеством надежных источников. В поезде семьи еще не были разлучены, а несколько недель жизни в гетто не могли заставить нас пасть так низко, чтобы нарушить вековые обычаи и законы. Робкие, неловкие касания — да, но не более того. Никто не зашел дальше! Почему в таком случае я так написал на идише и позволил так перевести на французский и английский? Единственное возможное объяснение — я говорю о себе. Осуждаю себя. Я был очень набожным подростком, достигшим возраста полового созревания, и поддался чувственным мечтаниям, усиленным физической близостью находившихся рядом мужчин и женщин.

Другой пример, не столь важный. Описывая импровизированную коллективную молитву в вечер Рош а-Шана*, я упомянул, что подошел к отцу и поцеловал

* Рош а-Шана (букв. “голова года”) — еврейский Новый год, который празднуют два дня подряд в новолуние осеннего месяца тишрей по еврейскому календарю (приходится на сентябрь или октябрь). Отмечается в честь сотворения мира, символизирует начало нового года и завершение года уходящего.

Предисловие автора к новому изданию

ему руку, как делал дома, но забыл отметить, что вокруг нас была толпа. На промах мне указала Марион — она всегда очень внимательна к деталям.

Я перечитываю сегодня это свидетельство и понимаю, что был прав, написав его “по горячим следам”. С годами я стал сомневаться в некоторых эпизодах — и совершенно напрасно! Я описываю в них первую ночь там, столкновение с реальностью мира за колючей проволокой. Предупреждение заключенного “со стажем”, посветовавшего нам соврать насчет возраста: отцу следовало убавить себе лет, а мне — прибавить, чтобы избежать селекции. Путь к печам под равнодушными небесами. Грудных младенцев, которых бросали в огонь, разведенный во рвах... Я не уточнил, были они *живы* или уже мертвы. Думал, что жгли живых, но говорил себе: нет, невозможно, иначе я бы рехнулся. А ведь другие заключенные тоже это видели и утверждали, что дети были живы. Их правоту подтверждает профессор Телфорд Тейлор*.

Я не сошел с ума.

* Тейлор Телфорд (1908–1998), бригадный генерал, известный американский юрист, профессор права. С апреля 1943 по май 1945 г. служил офицером военной разведки на европейском театре боевых действий, специализируясь на делах, связанных с германским Верховным командованием. Став главным обвинителем на Нюрнбергском процессе, добился осуждения нацистских преступников и их политических организаций.

В новом издании кошмарное видение появится.

В заключение скажу кое-что важное: я убежден, что у каждой книги своя судьба — как и у каждого человека. Одни повергают в тоску, другие радуют, иногда и то, и другое одновременно.

Выше я описал трудности, возникшие сорок пять лет назад после выхода “Ночи”. Критики публиковали благосклонные отзывы, однако на продажи это не влияло. Сюжет сочли болезненным, интереса он не вызвал. Если раввин упоминал “Ночь” во время проповеди, кто-нибудь обязательно говорил: “Зачем вешать на детей тяжкий груз прошлого?” С тех пор многое изменилось. Моя скромная книжка встречает прием, которого я не ожидал. Сегодня ее главные читатели — школьники и студенты университетов. Многочисленные молодые люди.

Спросите почему? Во-первых — и в-главных — изменился менталитет широкой публики. В 50-х и 60-х взрослые люди, родившиеся до и во время войны, выказывали по отношению к Холокосту — какое бледное название! — своего рода подсознательное и снисходительное безразличие. Сегодня все иначе.

Сорок пять лет назад мало кто из издателей осмеливался публиковать книги на подобную тему. В наши дни это делают все, причем регулярно, некоторые — каждый месяц. Так же ведут себя представители академической науки. Раньше немногие историки рассказывали ученикам средних и старших классов, что в действительности происходило с евреями во время Второй мировой войны. Теперь это обязательный курс школьных программ.

Предисловие автора к новому изданию

Отныне тема Освенцима — неотъемлемая часть общей культуры. Фильмы, спектакли, романы, международные конференции, выставки, ежегодные церемонии с участием высокопоставленных представителей власти: никто не проходит мимо этого сюжета. С момента открытия в 1993 году* Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне его посетили больше двадцати двух миллионов человек. Факт, поражающий воображение!

Современный студент или читатель осознает, что живых свидетелей Катастрофы с каждым днем становится все меньше. Тем сильнее потрясают нас воспоминания этих людей.

По большому счету, нет ничего важнее памяти, ее истоков, всеохватности и реализации. Повторюсь: перегрузка памяти грозит оказаться столь же вредоносной, сколь и ее обеднение. Нам надлежит соблюдать меру и надеяться, что наше понимание окажется близким к истине.

Для того, кто выжил и хочет свидетельствовать, все просто: его долг — говорить от лица мертвых и ради живых во имя будущих поколений. Мы не имеем права лишать их прошлого, которое принадлежит коллективной памяти.

* 7 сентября 1979 г. Комиссия по Холокосту при президенте США во главе с автором этой книги представила Джимми Картеру отчет с рекомендациями по сохранению памяти о Холокосте в США. 5 октября 1988 г. состоялась торжественная закладка основания музея с участием президента США Рональда Рейгана. Музей был открыт 22 апреля 1993 г. президентом Биллом Клинтонем.

Эли Визель

Забвение опасно и оскорбительно. Забыть мертвых — все равно что убить их еще раз. Никто, кроме убийц и их сообщников, не виноват в том, что случилось много лет назад, но вина за повторное убийство лежит на каждом из нас.

Меня иногда спрашивают, знаю ли я “ответ на Освенцим”. Я говорю “нет” и добавляю: не уверен, что трагедия подобного масштаба поддается объяснению. А “ответом” может быть только чувство ответственности.

В разговоре о том времени, когда наш мир был окутан мраком и над ним довели несчастья, “ответственность” — ключевое слово.

Очевидец понуждает себя свидетельствовать ради тех, кто молод сегодня, и всех, кто родится завтра: он не хочет, чтобы его прошлое стало их будущим.

Предисловие

Франсуа Мориака

Я часто встречаюсь с иностранными журналистами, но отношусь к ним скорее недоверчиво. Никогда не знаешь, что тот или иной человек думает о твоей стране, поэтому, соглашаясь на интервью, я стараюсь быть бдительным.

Сегодня утром ко мне пришел молодой израильтянин, корреспондент одной из тель-авивских газет. Я сразу проникся к нему симпатией, наш разговор о временах оккупации очень быстро принял личный характер. Самый глубокий след в душе не всегда оставляют события, в которых участвовал сам. Я признался гостю, что считаю кошмарным олицетворением тех мрачных лет вагоны с еврейскими детьми на Аустерлицком вокзале... Сам я их не видел, но жена, описывая тот поезд, содрогалась от ужаса. Мы ничего не знали о нацистских методах массового истребления людей. Кто бы поверил в подобное? Невинные дети, оторванные от матерей... Нет, невысказано! Думаю, в тот день я впервые прикоснулся к тайне вселенского зла, чье открытое проявление означало конец одной эры и начало другой. Мечта западной цивилизации об обращении к разуму в качестве

единственного критерия познания зародилась в конце XVII века. Многие считали ее апофеозом 1789 год^{*}, она укреплялась до 2 августа 1914 года — благодаря развитию наук и просветительским идеям, а умерла на перроне, где стояли вагоны, под завязку забитые маленькими мальчиками. Я утратил мечту, но и подумать не мог, что газовые печи крематория станут топить детьми.

Я поделился этими мыслями с журналистом, а он в ответ на мой горестный вздох — “Сколько раз я думал о тех детях!” — сказал: “Я один из них”. Он был одним из них! Он видел, как печь пожрала его мать, обожаемую младшую сестру, других близких — всех, кроме отца, чью мучительную агонию он наблюдал множество бесконечных дней. А потом пришла смерть, ужасная смерть отца! В книге подробно описаны обстоятельства пережитого автором кошмара и его поистине чудесного спасения, так пусть читатели — их должно быть не меньше, чем у “Дневника Анны Франк”, — все узнают сами.

И все-таки я утверждаю, что это свидетельство — одно из множества подобных, — описывающее верх зла, гнуснейшее явление, о котором мы, казалось бы, давно всё знаем, отличается от остальных. Оно — единственное в своем роде, уникальное. Это рассказ о евреях из трансильванского городка Сигета, об их слепоте перед лицом судьбы, от которой можно было спастись бегством, а они почему-то добровольно пошли на заклание, остались глухи к предупреждениям и мольбам свидетеля.

* Год, когда в США был принят Билль о правах, а во Франции — Декларация прав человека и гражданина.

Предисловие Франсуа Мориака

Этот чудом спасшийся человек поведал обо всем, что видел собственными глазами, но люди не поверили, сочли его безумцем... История, вдохновившая автора на произведение, стоящее особняком в ряду книг о вселенском кошмаре.

Вот что особенно меня поразило. Мальчик, рассказывающий свою историю, был избранником Господа. С момента пробуждения в нем сознания он жил ради Бога, был вскормлен Талмудом, жаждал приобщиться к каббале*, обетовался Всевышнему. Пытались ли мы осознать не такое зримое и чудовищное, чем остальные, но худшее из всех последствий пережитого ужаса: смерть Бога в душе ребенка, узревшего лицо абсолютного зла?

Попробуем представить себе, что он чувствует, глядя, как из трубы поднимаются в небо клубы черного дыма, унося в небытие его сестру и мать вслед за тысячами других людей: “Я никогда не забуду ту ночь, первую ночь в лагере, превратившую мою жизнь в ночь без конца, в ночь, запертую на семь замков. Я никогда не забуду тот дым. Я никогда не забуду лица детей, которых бросали в огонь, полыхавший под безгласной лазурью небес. Я никогда не забуду пламя, без остатка пожравшее мою веру. Я никогда не забуду ночную тишину, навсег-

* Каббала (букв. “получение”, “предание”) — эзотерическое еврейское теософское учение с выраженными элементами мистики и магии (теургии). Предпочитает непосредственным путям познания Божества созерцание, размышление, молитву и стремление постигнуть скрытый, истинный смысл Торы и других священных книг.

да лишившую меня желания жить. Я никогда не забуду те мгновения, что убили моего Бога, а мою душу и мои мечты превратили в душную пустыню без людей.

Я никогда ничего не забуду, даже если буду обречен жить вечно, как сам Господь. Никогда”.

Я понял, чем мне сразу понравился молодой израильтянин: у него был взгляд Лазаря, уже воскресшего, но еще не покинувшего темных берегов, где он бродил среди оскверненных мертвых тел. Для него восклицание Ницше было выражением почти физической реальности: Бог умер*, Бог любви, доброты и утешения, Бог Авраама, Исаака и Иакова исчез навек на глазах у этого ребенка, смешавшись с дымом Холокоста, устроенного самым прожорливым из идолов — расовой ненавистью. Сколько благочестивых евреев видели эту смерть? В один ужасный день — такой же ужасный, как все остальные, — ребенок стал свидетелем казни через повешение другого ребенка с лицом печального ангела и услышал, как кто-то произнес с мукой в голосе: “Так где же Бог?” Голос у меня в голове ответил: “Где Он? Здесь — болтается в петле...”

В последний день еврейского года мальчик присутствовал на торжественной церемонии по случаю Рош а-Шана. Он слышал, как тысячи рабов восклицали хором: “Да будет благословенно имя Всевышнего!” Тогда

* “Бог умер”, или “Бог мертв”, — эту фразу немецкого мыслителя и философа Фридриха Вильгельма Ницше (1844–1900) из написанной в 1881–1882 гг. книги “Веселая наука” обычно связывают с разрушением представления о некоем гаранте существования человечества.

Предисловие Франсуа Мориака

он вместе со всеми простирался ниц, испытывал преклонение, страх и любовь, а сегодня не склоняет головы и сопротивляется. Существо, чей рассудок и сердце унижены и оскорблены сверх всякой меры, бросает вызов слепому и глухому божеству: “Сегодня я ни о чем не молил. Я утратил способность стенать. Я чувствовал себя нескананно сильным. Я стал обвинителем, Бог — обвиняемым. Я прозрел и понял, что остался один. Чудовищно одинок в мире без людей, без любви, без милосердия и... без Бога. Я обратился в прах, но чувствовал себя сильнее Всесильного, с которым так долго была связана моя жизнь. Я стоял среди молящихся и чувствовал себя стонным наблюдателем”.

Во мне живет вера, что Бог есть любовь, так что я мог ответить собеседнику, в чьих глазах все еще жила скорбь, осветившая в тот страшный день лицо повешенного ребенка? Что я ему сказал? Напомнил о распятом иудее, чей крест завоевал мир? Признался, что его камень претковения стал моим краеугольным камнем, что сообразность между крестом и людскими страданиями есть ключ к непознаваемой тайне, похоронившей детскую веру? Но Сион возродился из крематориев и оссуариев. Еврейский народ восстал из пепла миллионов мертвых соплеменников. Они дали ему новые силы жить. Мы не знаем цену ни одной капли крови, ни одной слезинки. Все есть благодать. Если Вечный существует, последнее слово каждый из нас услышит именно от Него. Вот что я должен был сказать еврейскому мальчику, но не сумел произнести ни слова, заплакал и заключил его в объятия.

ГЛАВА I

Все звали этого человека Моше-Сторож, как будто у него вовсе не было фамилии. Моше был служкой и мастером на все руки хасидской* синагоги. Евреи Сигета, маленького города в Трансильвании, где прошло мое детство, очень его любили. Он был нищим, жил убого. Сигетчане помогали бедным, но не любили их — никого, кроме Моше-Сторожа. Этот человек никому не причинял неудобств. С ним не было хлопот. Он умел оставаться незаметным, делаться невидимым.

Угловатый и неуклюжий, Моше чем-то напоминал клоуна. Его сиротская застенчивость вызывала

* Хасидизм (букв. “учение благочестия”) — религиозное течение в иудаизме, которое в первой половине XVIII в. за очень короткое время охватило восточноевропейское еврейское население. Особое значение хасидизм придает эмоциональному постижению Бога и осознанию Его всепроникающего присутствия. Тяжелый удар хасидизму нанесла Катастрофа европейского еврейства. Многие общины были полностью уничтожены нацистами.

у окружающих невольную улыбку. Мне нравились его большие глаза с мечтательным, устремленным вдаль взглядом. Моше мало говорил — он пел, вернее напевал-бормотал. О страдании Божества, об Изгнании Провидения*, которое, согласно каббале, ждет своего освобождения через человека**.

Мы познакомились в конце 1941 года. Я был набожным подростком тринадцати лет, днем изучал Талмуд, а ночью бегал в синагогу и оплакивал разрушение Храма***.

Однажды я попросил отца найти мне наставника, чтобы тот руководил моими занятиями каббалой.

—Ты еще слишком мал. Маймонид**** сказал, что доступ к полному опасностей миру мистициз-

* Речь идет о Шхине. Когда еврейский народ ушел в изгнание, Шхина была изгнана из Божества; когда евреи страдают, страдает и Шхина. Идея изгнания и страданий Шхины получила свое дальнейшее развитие в хасидизме. Хасиды верят, что чистосердечные молитвы и добрые дела способны облегчить ее страдания.

** Шхина пребывает с еврейским народом всегда; когда наступит избавление для народа, оно наступит и для Шхины.

*** Грехи еврейского народа привели к разрушению римлянами Иерусалимского храма в 70 г. н. э.

**** Маймонид — Моше бен Маймон (1135/1138, Кордова — 1204, близ Каира) — еврейский средневековый мудрец, врач, теолог, философ, ученый, праведник, рабби и законоучитель XII–XIII вв., составивший 13 принципов иудаизма, актуальных по сей день.